

Michał Głuszkowski. 2014. Прошлое и отношение к истории общины на примере избранных высказываний старообрядцев, проживающих в Польше, „ZESZYTY NAUKOWE Wyższej Szkoły Języków Obcych w Świeciu” nr 3
Świecie: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych w Świeciu
s. 71-83
ISBN 978-83-933823-1-6
ISSN 1733-165X

Michał Głuszkowski

ПРОШЛОЕ И ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ ОБЩИНЫ НА ПРИМЕРЕ ИЗБРАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПОЛЬШЕ¹

Ключевые слова: коллективная память, прошлое, идентичность, старообрядцы в Польше
Key words: collective memory, past, identity, Old Believers in Poland
Słowa kluczowe: pamięć kolektywna, przeszłość, tożsamość, staroobrzędowcy w Polsce

1 Отношение к прошлому и память группы как социальные факты

Понятие коллективной памяти в научный обиход почти 90 лет тому назад ввел М. Хальбвакс. Несмотря на время, прошедшее с момента появления труда «Социальные рамки памяти» (1925), вопрос социальной памяти и того, как разные группы «управляют прошлым» непременно обсуждаются в социальных науках (Halbwachs 1969 [1925]). Память и отношение человеческих сообществ к прошлому являются важным элементом их группового самосознания и идентичности. Надо подчеркнуть, что в большинстве многочисленных дефиниций идентичности, представители разных дисциплин выражают согласие относительно ее главных элементов, таких как: язык, вероисповедование, национальность, традиции, сознание групповой интегральности и отличия от окружения, а также история группы, разделяемая всеми ее членами (Olechnicki, Zafecki 1998: 228; Hillmann 2007: 431-433). Коллективная память составляет пример социального факта Э. Дюркгейма, так как является общим в данном обществе образом действия, способным влиять на поведение индивида, а также имеющим собственное, сверхиндивидуальное существование (Ср. Halbwachs 1939: 814-815; Durkheim 2000: 41).

Общая история группы, т.е. ее социальная память, тесно связана с другими составными идентичности. На ее связь с религией указывал уже М. Хальбвакс, полагая, что религиозные права являлись первыми определителями коллективного сознания и памяти (Halbwachs 1969: 262-323). Язык является и одним из носителей памяти, и ее предметом, но его социальный характер не подвергается сомнению (Durkheim 2000: 28;

¹ Статья написана в рамках проектов, финансируемых Национальным Научным Центром Республики Польша (NCN), гранты №№ 2011/01/B/HS2/00505 и 2011/03/D/HS2/06170.

de Saussure 2004: 266-267). Следует также обратить внимание на взаимоотношения коллективной памяти и очередного элемента идентичности – чувства отличия от окружения и сознания групповой интегральности. Именно на основании памяти о прошлом общины выражают отличие, а история группы может оказаться ядром ее идентичности.

2 Роль истории общины в коллективном сознании старообрядцев в Польше

Старообрядцы, т.е. верующие Русской православной церкви, которые не признали реформ патриарха Никона, эмигрировали из России из-за религиозных преследований. На территории Речи Посполитой они появились уже в XVII в., вскоре после раскола (Перекрестов 2013: 231-232). Главной причиной миграции была вера, ставшая ядром их групповой идентичности на протяжении веков. Старообрядцы долгое время изолировались от своих соседей, ограничивая контакты с польским населением необходимым минимумом, что способствовало сохранению традиции и обычаев, а также языка – средневеликорусских диалектов из псковской и новгородской групп (Grek-Pabisowa 1999: 125-127). Надо подчеркнуть, что многие годы большинство абсолютное старообрядцев не нуждались в знании польского языка и оставались одноязычными. Причиной такой ситуации, кроме социальной и культурной изоляции, является факт, что после разделов Речи Посполитой в последней четверти XVIII в. до начала XX века их деревни находились в пределах Российской Империи (Гжибовский, Глушковский 2008: 204). Только 1918 г. – год восстановления независимого польского государства, привел к развитию массового билингвизма среди старообрядцев и оживления контактов с польским окружением. Будучи гражданами II Речи Посполитой, старообрядцы ходили в польские школы и общались с польской администрацией.

Несмотря на более активные контакты с польскими соседями, общины староверов остались в относительной изоляции, сохраняя как вероисповедование, так и сознание групповой интегральности, традиции, а также русский говор, выполняющий функцию единственного средства общения внутри общины (Głuszkowski 2011: 145). Еще в начале XX в. социальная жизнь их общин практически не отличалась от жизни первых поселенцев. Только события Второй мировой войны (1939-1945) привели к серьезным изменениям. Староверские жители из августовского региона были вывезены на принудительные работы в Германию, в основном в Восточную Пруссию, а их деревни были разрушены немцами с помощью местного польского населения (Ibidem: 23). Старообрядцы из сувальского региона в сентябре 1939 г. находились под немецкой оккупацией. По договору об обмене населения между Германией и Советским Союзом в

первой половине 1941 г. их переселили в СССР, в основном на территорию Литвы (Iwaniec 1977: 104; Гжибовский, Глушковский 2008: 201). После окончания войны в 1945 г. старообрядцы из окрестностей Августова в большинстве вернулись в свои деревни. Многие сувальско-сейненские староверы же остались в Литве, а их земляки из Мазурских озер в большей части эмигрировали в Германию (вместе с многими другими жителями Восточной Пруссии). Итак, численность староверской диаспоры в северо-восточной Польше сократилась к ок. 1000 (Głuszkowski 2011: 65).

Демографические и социо-политические изменения сильно отразились на культуре старообрядцев. Значимость вышеупомянутых процессов заключалась не только в сокращении численности группы, но и в постепенном рассеянии старообрядческого населения. Еще в первой половине XX в. они в основном жили в этнически гомогенных изолированных деревнях, но с 50-60-х гг. более половины старообрядцев в Польше проживали в городах, среди польского населения. Воздействие таких цивилизационных факторов, рост роли СМИ, работа в городе, обучение в польских школах, привело к тому, что на рубеже 60-х и 70-х гг. XX в. началась фаза открытости общины, а процессы культурной и языковой ассимиляции интенсифицировались (Ibidem: 176-177).

Социо-культурная эволюция традиционной общины стала фактом. По наблюдениям группы ученых Института славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуня под руководством проф. Ст. Гжибовского², исчезновению подвергается не только язык, но и культура старообрядцев. На глазах исследователей, на протяжении 14 лет совершается языковой и культурный сдвиг. Эти явления замечают также многие члены староверской диаспоры в Польше и стараются сохранить свое отличие от окружения и свою групповую идентичность. Поэтому стараются поддерживать или даже восстанавливать социальную память своей общины. Кроме религии, которая до сих пор является самым стойким элементом старообрядческой идентичности, важная роль приписывается истории общины. На примере избранных высказываний наших информантов³ представим главнейшие мотивы нарративов, связанные с прошлым и историей группы.

3 Прошлое и история общины старообрядцев в их нарративах

² Регулярные исследования ведутся с 1999 г. До 2013 г. сотрудниками ИСФ УНК были организованы 12 экспедиций, во время которых исследователи посетили более 30 местностей, в которых живут (или жили) старообрядцы.

³ Во время экспедиций удалось взять интервью у более 130 старообрядцев сувальского и августовского регионов. Речь 65 из них удалось записать на кассетные или цифровые диктофоны.

Главной целью исследований сотрудников ИСФ УНК с самого начала было актуальное состояние говора старообрядцев в Польше и процессы, каким подвергается русский диалект в условиях русско-польского двуязычия. Основным материалом составляют магнитофонные записи речи информантов. Кроме интервью нацеленных на исследование конкретной лексики, тема разговора чаще всего подбиралась свободно самими информантами. Оказывается, что староверы, особенно в старшем и среднем поколении в своих высказываниях охотно возвращаются к прошлому. Также исследователи, если во время интервью тема заканчивалась, задавали вопросы об истории общины, так как они гарантировали длинные ответы.

3.1 Генезис старообрядчества. История общины как таковой (без определенного времени).

Первый из популярных мотивов составляет история общины как таковой и попытки пояснения корней старообрядческого движения. Некоторые информанты, в основном из старшего поколения, стараются даже доказать превосходство старообрядческой религии. Функционирующие в их общине апокрифы связаны прежде всего с историей группы и превосходством старообрядческой религии. Одна из информантов рассказывала о генезисе схизмы 1054 г.:

Ж1926⁴: *było pięć papieży – wiara jedyna apostołska Chrystusowa. W Jerusalimie, bo trzeba Jerusalim pierwyj [...], w Konstantynopolu, w Efezie, w Rimie i jeszcze w jakim mieście, już zapomniałam. Pięciu było ich i wszystko poszli apostołowie na cały świat głosić jedną wiarę. Chrystusową. A ten w Rzymie co siedział, powiedział tak: ja zrobię sobie sam wiarę i nie będę nikomu się, znaczy, padczyniatsa, podporządkowywać się i sam sobie będę Pan. I tak zrobił. I wiecie, w którym to roku było? Nie wiecie. To wy mało wiecie. A to było i Biblia napisała. [...]. A to wiara ta powstała katolicka, który się sprzeciwił też wszystkim. Było tysiąc pięćdziesiąty czwarty rok [...] ten, który odszedł w pięćdziesiątym czwartym roku od jedynej apostołskiej wiary. Ona miała nazwę prawosławna, nazywała się. Bo głosiła tylko prawo i sławę miała. [...] jak się sprzeciwił – i napisał prorok Daniel; „i pójdzie za nim cały Zachód” [...] już później w tej katolickiej wierze też był rozłam, jak i u nas w prawosławnej wierze. To stara prawosławna wiara [...] Bo ja jestem starowierka⁵*

В цитированном фрагменте высказывания на польском языке упоминаются патриархи в разных городах: Иерусалиме, Эфесе, Константинополе и Риме. По словам

⁴ В символе информанта закодирован пол (Ж, М) и год рождения.

⁵ Польские высказывания записаны согласно орфографическим нормам польского языка. Для записи фрагментов русской диалектной речи применяется упрощенная славистическая транскрипция.

информанта, в схизме виноват был патриарх из Рима, так как решил стать важнейшим и не признавать других. Он и отошел от «единой апостольской веры, которая называлась „православной“, так как была правой и славной». Подрывая авторитет других религий, информант подчеркивает значение собственной веры.

К истории старообрядчества относятся также конфабуляции, например, повествование о князе Кацаповым. Наши информанты довольно часто пытались выяснить происхождение слова «кацап», как наиболее популярного экзоэтнонима своей группы, а также других русских. В своих высказываниях приводили лицо мифического князя Кацапова, который при Екатерине II якобы отдал старообрядцам деревни и участки, на которых они живут до сих пор (Głuszkowski 2011: 135). Так как о Кацаповым рассказывали в основном староверы, которых отношения с польскими соседями не складывались хорошо, можно положить, что ссылаясь на лицо мифического князя, они старались избежать признания исторических фактов: что старообрядцы получили землю от польских помещиков.

Отношение к названию «кацап» изменяется. Этот термин употребляется также староверами. Если «кацапами» называют себя сами старообрядцы, этот термин большинством из них воспринимается как нейтральный. Итак, из экзоэтнонима «кацап» стал этнонимом группы. Однако в некоторых условиях, особенно если данным словом пользуются не-старообрядцы, он может терять свою нейтральность и приобретать пейоративное значение. Интересный пример отношения староверов к названию «кацап» составляет высказывание пожилого мужчины, воспитывающегося в местности, в которой жили лишь немногие староверские семьи, и учащегося в школе с польскими сверстниками:

M1948: *pr'ix'oʒit ka mńe / ty / gavar'it / k'acap // Brodę masz. A ja mówię: to što / što ja barad'u im'eju / do jakiego Boga się modlisz? Na ołtarzu. Jaki Bóg jest? Z brodą. To ja mówię: to ja kacap, a ty do kacapa się modlisz. I było po dyskusji*

Информант отреагировал на вербальную атаку своего товарища, превращая его слова в шутку. Его старообрядческие сверстники тоже вспоминают подобные случаи, одновременно подчеркивая, что хотя отличались от своих товарищей, отношения с не-старообрядцами в основном были дружескими:

M1952: *t'epier'-ka drug'oj čas // už'e níkav'o tam né ž'ívit / čy k'acap / čy što / to už'e níkav'o né ž'ívit / né šok'ujet // m'ože j'eść tak'ije / ale to už'e ułamki // ale 'iśćinno / to faktycznie / sam zn'aju / kak v šk'olu pr'ixaž'iloś, nawet ze względu na nazwisko, nie? Byli koledzy, t'ože tam: kacap*

Рассказывая об истории общины, старообрядцы часто относятся к неопределенному прошлому. Их высказывания касаются, например, контактов с польским населением и проблемам двуязычного общения.

M1957: *tak 'aja prabl' 'ema byt' a kak našy ž'edy / praž'edy j'ezž'il'i v Avgust'ov / aň' ĩ m' 'el'i svaj' ĩx znak'omyx / aň' ĩ tož tak paňim' al'i / što pr'ij'ezž'al'i star'av'ery i gavar' 'il'i pa_r'usku / i aň' ĩ tož pa_r'usku paňim' al'i / kagd'a ta uč'yl'is v šk'ole pa_r'uskamu / jiz'yk byt' tak'oj abap'ulnyj / až'ın drug'ova paňim'at' / razgav'or byt' vs'ak'ij' al'i v'segd'a dagavar' 'il'is / ĩe b'yla prabl'ema tam razgav'ora / 'ale ž'edy pa_p'olsku ĩe paňim' al'i za mnog*

В подобных рассказах наши информанты указывали на факт, что еще в начале XX века многие старообрядцы, в том числе почти все женщины, были одноязычными, но незнание польского языка не мешало общению с поляками.

3.2 Первая половина XX века – время до Второй мировой войны.

Первым из периодов, для которых можно определить хотя бы приблизительную датировку, являются Первая мировая война и наступившее после нее двадцатилетие восстановленного независимого польского государства. Во время Первой мировой войны староверы из сувальско-августовского региона были переселены вглубь России, в окрестности Саратова (Iwaniec 1977: 102-103).

M1933: *no j'el'i kas'ajetsa pražyv'aňja n'ašyx razž'itel'ev do p'ervaj m'irav'oj vajny' / ž'yl'i / nas 'okata b'yla t'ysača dv' es'ci sem'ej [...] nu p'ervaja m'irav'aja vajna t'ože / kak gavar' ĩtsa / nas razž'el'ita / razž'el'ita / vse / no ĩe vse / ĩ'ekatoryje v'so tak' ĩ ast'al'is tut ž'yc / ž'ev'an'osta prac'entav v'jexata / uježž'ata / pr'avda / p' 'er'ed vajny' / što b' ĩe pap'ašc v r'uk' i / pad vtaž'eňe g'erm'anskaja / nu i pap'al' i j'exal' i / tak kak b' ežeňcy / zaj'exal' i v Sar'atav i v Sar'atav'e pražyv'al' i šešc l'et // i att'luda p'osle akaňč'aňa p'ervaj m'irav'oj vajny' n'ačal' i var'ačytsa / v'ern'ul'is v dv'adcať p'ervam gad'u v P'olšu abr'atna / nu i tož st'al' i // vr' 'em'a b'yla tak'oje / što kak ast'av'il' i / vyježž'al' i i ast'av'il' i tar' etku / ĩl' i sk'ažem č'ašku / čy t'ožku / čy n'ož / l'ub'uju v'ešč / tak v d'om'e ĩičev'o ĩe b'yla tr'onuta // i 'okny b'yl' i / i šeckl' o c'eta / v'so / v'so / što b'yla / tak' ĩje b'yl' i l' 'už' / a šejčas ĩe k čem'u d'aže rav'ac i gavar' 'ič // šejč'as ĩe m'ožna v'jčić / bo p' 'er'ev' 'ernut v'so / kak zam' 'ečut / što už'e ĩet xaž'ajeva / to už'e tr'udna*

После войны большинство польских старообрядцев вернулись на территорию Польши, в свои деревни (ibidem). В вышеприведенном высказывании информант подчеркнул хорошие отношения с соседями. Чувствуется также ностальгия по прошлому, в котором люди были честнее. Такая идеализация минувшего повторялась и в других контекстах.

Двадцатые и тридцатые годы XX века вспоминались реже чем Вторая мировая война, но в зарегистрированном нами материале можно найти очень интересный фрагмент интервью у пожилого мужчины из окрестностей г. Сейны. Информант

описывает визит католического епископа в деревенской школе, в которой среди католических детей учились только два старообрядца.

M1925: *b'iskup m'et pr'ij'exat' //sd' 'etal'i br'amu witamy cię ojczę / tam tego / taki napis / hasło / i on pr'ij'exat taks 'ufkaj / a my tak w dwójkach stali / i jak on v'yxad' 'it s taks 'ufk'i n'ada b'yla kl' 'enknut' / a ja i moj brat dvajur'odnyj / to ně kl' 'enknul'i / v nas 'nelz' 'a kl' 'enkat' // a nauczyciel priš'ot i jem' 'u chlast / klękaj / a ten mówi nie / a biskup zauważył / no i kak on patxad' 'it k jem' 'u / stav'at i dav'at jem' 'u cukierki tam tego / no i padaš'ot až k nam / a my staj'ım / dlaczęgo wy dzieci nie klęknęliście / a my gavar' 'ım / što v nas 'nelz' 'a kl' 'enkat' / a j'akaj vy v' 'ery / a starav' 'ery / a vm' 'ejeće skaz'at' ojczę nasz / vm' 'ejem / no i pa_r'usk'i skaz'al'i ojczę nasz / ja ojczę nasz a jon bogar'od'icu / no i panie kierowniku / za co pan jego uderzył / gavar' 'it / umieją pacierze / gavar' 'it / oni po swojemu / gavar' 'it / ale ten sam ojczę nasz / to samo / gavar' 'it / nie wolno tam / i nam cuk' 'eryk / mńe p' 'astku i jem' 'u p' 'astku / macie za to więcej cukierków / a r'eb'aty / ot cholera / kak kacapy cukierków dostali / a nam tylko po dwa cukierki dał*

Данный фрагмент составляет замечательную иллюстрацию отношений между представителями меньшинства и доминирующим окружением. Здесь трудно даже говорить о символическом насилии, которому подвергаются староверы, так как директор школы применил насилие физическое и непосредственное. Однако наш информант описывает ситуацию без отрицательных эмоций, представляя события как веселое приключение.

3.3 Вторая мировая война.

Тема Второй мировой войны затрагивалась всеми информантами, рожденными до ее начала, причем многие из них представляли длинные, продолжающиеся более часа подробные воспоминания. Представители среднего и младшего поколения также высказывались на эту тему, но, не будучи наглядными свидетелями военных событий, были краткими, а их высказывания опирались на сведения родителей и дедов.

Наши информанты чаще всего описывали движения войск и момент, когда они были вывезены на принудительные работы:

Ж1934: *z' ž'ectva / a št'o j'a mag' 'u p'omnić z' ž'ectva k'ak 'eta / k'ag b'yla vajn'a / to n'as v' ygnal'i f s'orak tr' 'ećim / p'omni' 'u xaž' 'ila f šk' 'otu f s'orak p' 'ervym / xaž' 'il'i m' 'y f šk' 'otu / pa r'usk'i t'am uč' 'yl'i n'as / bo t'ut / a p'ošl'i k'ak v' 'yv' 'ežl'i / k'ak vajn'a zač' 'ataš / to b' 'ywa / šk' 'oty ně byla / to ně xaž' 'il'i f šk' 'owu / z'av' 'ažl' 'i n'as n' 'emcy i ně byla šk' 'oty*

M1933: *nu tr'idcać ž'ev' 'atyj god nač'at' 'iša / et'a už' 'e izv' 'estna dla všex ž' 'yt'el'ej / dl'a c' 'etaj P'olšy i m' 'ira // nas spacyf' 'ikov'al'i i d'al'i dva čas'a / štob my apak' 'ovku sž' 'etal'i i v' 'yv' 'ežl'i / 'eta v s'orak tr' 'et'jem [...] my b' 'yl'i pr'inaž' 'el'eny k z' 'apadnaj B' 'etar' 'uši // sr' 'azu n' 'ačataš šk' 'ota / n' 'ekataryje l' 'uži ně xać' 'el'i pasyť 'ac sva' 'ix ž'éc' 'ej v 'etu šk' 'otu / bo uč' 'yl'i b' 'etar' 'uskava i r' 'uskava jazyk'a / 'eta b' 'yla už' 'e tr' 'udnašć i v razgav' 'or'e / i čyt' 'ac / i p' 'is'ac // v'so_tak' i pa n' 'eskolka m' 'ešaca k' fše pr'ist'al'i / i katal' 'ik'i / v'se / u nas b' 'yla šk' 'ota*

Ж1926: *d' 'eduška naš / ž'adek naš 'umarť v Pr'usax / a był šeńt' 'abr' dvaccać šest'ova č'ist'a / s'orak tr' 'et'jeva g'oda / pačtal' 'jon t'el'egr'amu pr' 'in'os v im' 'eńje Pr' 'eglau /*

*nazyw'alaś at r'ek' i Pr'eglau / r'ek'a tam pł'yla i nasz majątek stał nad rzeką Pregoła / an'a
č'er' ez K'ėnigsb'erg pł'yv'ot 'eta Preg'ola / aź do Bał'yku*

В группе помнящих Вторую мировую войну, надо выделить тех, кто был в это время маленьким ребенком. Информанты, рожденные в начале 40-х гг. XX века лишь в ограниченной степени лично помнят описываемые собой события. Можно положить, что они в основном ссылаются на рассказы своих родственников, но так как военные происшествия относятся также к ним, и они лично принимали в них участие, часто их вспоминают. Например, одна из информантов – жительница д. Габове Гронды около Августова, рассказывала о своем отце, у которого немцы хотели изъять алкоголь.

*K1941: i co: przyjeżdżają Niemcy / maś samag'on? ěe i ěe_d'am / ja mówię / pa r'usku
b'olše gavar' il'i / jak po polsku / čeb'e gavar'u atd'aj samag'on / ěe / pod rasstr'et / pad
s't'an' u / mama krzyczy Ćik'ola / Ćikał'aj / čev'o ty stanav' išša / kto źeč'ej xav'ac b'užet / a tut
krzyczy / prosi Niemców ast'avće vy moje dzieci / atd'aj Ćik'ola 'etat samag'on / mama wie / że
on ma i gdzieś w krzaki schował*

3.4 Время Польской Народной Республики (1945-1989)

В очередном периоде, описываемом нашими информантами, тоже можем обозначить начальную и конечную даты. Время социалистической Польши представляется как безопасное и спокойное, а прежде всего – как время порядка:

*M1947: b'o za kam'uny / kag był'a kam'luna / to z gm'iny pr'ixaž'it nak'as / št'op tak'oj
xaž'ain k'ak j'a / br'aw kas' u i v'ot 'etu fš'u pakš'yvu / kak' ijė xv'asty na p'olu j'eś n'ada b'yla
v'ykaśić // i ě'e była tak'ova zapyl'eńja f pav'etr'iu // n'a a śič'as / j'eś / ž'emakr'acyja i j'eś
rasp'usta*

Периоду Польской Народной Республики противопоставляется современность с безработицей, ненадежностью и беспорядком. Несмотря на то, что в исследуемых нами старообрядческих деревнях не было коллективных хозяйств, в некоторых из них наблюдаются социальные явления подобные так называемому «постколлективному синдрому», т.е. алкоголизм и массовая безработица (Ср. Głuszkowski 2011: 266-269).

*M1947: no / i ěičev'o ě/e ěim'ejėt // ot t'ak u n'as / śič'as / rab'otyj / rab'otyj / a pa
r'uskamu tak no ěa b'udu mačėr' ěc bo [...] // ě'et ěičev'o // j'a z'a dv'ac:ac l'et / 'eta už'o
praśw'o / ěičev'o ěe pastr'oił / ěičev'o ěe ž'ž'et'at za dv'ac:ac l'et [...] pr'ijėž'ajit tak'oj
kierownik mlač'arńi / 'a z'aftr'ija matak'a ě'ė b'er'om // j'eśl'i atestu ěe ěim'ejėś / v'az' ě jėv'o
ś'em'isit / v'ośim'isit k'il'omatraf / k'lanu il'i d'v'e matak'a // tak'aja śejč'as vł'aść // za
kam'uny 'eta b'yla št'o in'ova pr'ij'ež'it pagavar' it sk'ol'ka luž'ej / k'ak pas'ujit / fš'e par'laž'msa*

На вопросы о новые возможности, связанные со вступлением Польши в Евросоюз, например, субсидии и кредиты для земледельцев, наши информанты, независимо от возраста, отвечают одинаково: Ж1984: *nikt'o ěe xač'et v' uńju [...] ja gotosov'ata na ěet*. То,

что они не видят своих шансов в европейских субсидиях, связано прежде всего с тем, что уже в 2004 году в старообрядческих деревнях Габове Гронды и Бур большинство жителей составляли пенсионеры и безработные, а действующих хозяйств было лишь три. Хотя настоящей проблемой является демографический кризис общины старообрядцев, наши информанты ассоциируют все нежелательные социальные явления с политической трансформацией 1989 г. и вступлением в Евросоюз.

3.5 Неопределенное прошлое во второй половине XX века. Воспоминания о витальности общины.

Социальные и культурные изменения, каким подвергается община старообрядцев в Польше стали причиной ностальгии не только по времени социалистического периода, но и по неопределенном прошлом. В отличие от высказываний о жизни в Польской Народной Республике, говоря о витальности общины, старообрядцы не приводят конкретных событий. Они сосредотачиваются на внутренней жизни своих деревень, не относясь к внешним условиям. В рассказах повторяется мотив поляны, на которой встречалась молодежь, и проводилось свободное время. Во всех высказываниях вспоминаются пения, танцы и общее веселье, а информанты подчеркивают дружную жизнь внутри общины.

Ж1951: *kiedyś to jak z opowiadania /no ješč'ò i p'òmnu /to xaž'íl'i vabšč'e /tancev'al'i na 'etaj pal' 'ank'e /ad_r'azu vše s mal' 'ennyi/v' 'ešeta b'yla /i karav'ody p' 'el'i i 'uxal'i /š'íl'na v' 'ešeta b'yla /a š'ejčas to 'et y telev'iz'ory /'eta všo /k'aždyj pa kut'am /pa dam'ax*

Ж1965: *n'u r'ańšë /d'a /télëv'iz'oraf'ń'e była /ni r'až'iv'ń'e była ničav'ò t'ak št'ò s'am'y /pr'až'nik'i t'ò f k'aždam dam'u pr'ijaž'ž'al'i gž'e iž'oš v žër'evně t'ò v'ézž'e b'yla styx'ac' /p' 'ešni paj'ut fš'ò sa sfaj'oj sam'j'oj /małaz'oš /t'oža sab'ir'al'isa zab'avy ž'etal'i /šv'atl' 'icy v n'as'ń'e była /t'ò pa dam'am f k'aždava t'am kal'ejna sab'ir'ataš małaz'oš /igr'al'i t'am to f suš'eda /to v nam'ër'a tak' 'ijè fš'ak'ijè 'igry igr'al'i /s'am'y p' 'el'i /s'am'y karav'ody tancav'al'i /i t'ak /žyl'i*

На примере вышеприведенных высказываний можно заметить, что идиооическая жизнь с начала второй половины XX века противопоставляется современности и цивилизационным изменениям. Наши информанты замечают и трудности времен своей молодости: беду, отсутствие соответствующей системы здравоохранения и т.п.

Ж1961: *nas b'yla čet'yrnadcać /no /šešć młaz'eńcev 'um'erta /a vaśm' 'ox nas ž'yla*

Однако оказывается, что они больше ценят прошлое, чем современность с ее возможностями и достижениями.

Ж1965: *mń'e zdaj'oc:a 'eta r'anšë b'ýta tak'aja v'és'elšë tak'ojë x'óc / x'óc b'ýta b'edna / 'al'i t'ak b'ýta v'ésëta / k'aždýj b'ýt / né t'ak / št'o j'a sab'e / t'ý sab'e / fš'e g'arnul'is v adn'uju k'uču / i t'ak št'o b'ýta v'ésëta f'ajna*

Надо подчеркнуть, что поляна, пения и веселье в коллективной памяти наших информантов сохранились в неизменном виде, как единая картина, прочная на внешние влияния. Старообрядцы низко оценивают современность также потому, что замечают исчезновение традиции. Система обычаев и культурные особенности являются важными элементами их идентичности, и они вполне сознательны, что теряя свое отличие, община ассимилируется к окружению, что в эффе́кте приведет к ее исчезновению.

M1937: *ćep'er' né gał'ósut / a ćep'er' né v m'òžë gał'aš'íc / to n'užna um'eć // t'ep'er' už'e kult'uralna / pa ć'ixu papł'ačet // pa 'm'oršym pł'akać né n'užna / bo on b'ednyj i tak napł'akałsa za ž'yžni*

M1979: *ńek'ataryje / no zak'idyv'ajut / pačem'u by p'óścić / čy što / 'al'i gaspož'v šv'atam p'is'ańiji skaz'ał: kagd'a ja był m'ěždu v'am'i / n'e była nak'ínuta n'a učeńik'ov pašč'eńija / n'e była toj ab'azannošci pašč'eńija*

Среди причин культурной эволюции старообрядцы указывают на общие тенденции – моды – в обществе и темпы современной жизни, которые не способствуют сохранению традиционного ритма жизни, опирающегося на церковный календарь.

3.6 Уважение к традиции и пожилым членам общины.

Замечая факт исчезновения традиции, старообрядцы непременно выражают уважения так для своей культуры, как и для пожилых членов общины. Почтение для родителей, дедов и пожилых соседей выражается не только в высказываниях наших информантов, но и в их поведении. Например, хотя молодые староверы часто общаются на польском языке, в присутствии пожилых членов общины переходят на русский говор. Несмотря на то, что запрет курения давно не соблюдается, никто не курит при своей матери, бабушке и других пожилых женщинах, а также дома в помещениях, в которых есть иконы.

M1977: *pr'i ž'edu né kur'ít / u nas né był'o tak / št'oby na ž'eda čy na b'abku / čy na b'aćku / čy na m'atku r'uku padń'ós // tak m'ěždu sab'oj i s br'atam né raz i žér'omša / 'ale kak gavar'ú / čy m'atka kr'íćit / čy što / v'yjžëš na 'ul'icu / uspak'oišša / kak gavar'at / spak'ojnaje cielę dv'e kar'ovy saš'ót / a g'ordaje ž'adnaj / a tut pr'iž'oš i s m'atkaj d'obra / i s b'aćkaj d'obra*

Старообрядцы младшего и среднего поколения осознают, что именно их родители и деды сохраняют большую часть коллективной памяти группы.

M1977: *žéd i b'abka / kak ž'yl'i / bo v'etaj xv'íl'i ań'í né žyv'ut / to nas uč'yl'i at m'atava / što pav'ínna tak / 'utram vstał / pr'exr'ešć'łsa / zač'ał vad'ú p'ic / pr'exr'ešć'łsa / zač'ał jišć / tož pav'ínen axr'ešć'łsa / všo pav'ínny ž'ętać s mal'ítvaj*

4 Итоги

Все описанные выше мотивы, связанные с разными аспектами прошлого, показывают, что история занимает важное место в коллективной памяти старообрядцев, и что они, независимо от возраста, согласны относительно важной роли прошлого в формировании групповой идентичности. Однако актуальные демографические и культурные процессы не дают большой надежды на будущее общины. Наши информанты замечают этот факт, интересуются своей историей и стараются противодействовать исчезновению староверской культуры и религии. Иницируются мероприятия, например интернет-публикации (Дом 2011; Szmigiel 2013), что является эффектом этнического возбуждения младшего поколения. К своим корням и культурному наследию в последнее время возвращаются 20-30-летние люди. Трудно оценить, каковы будут дальнейшие судьбы этих поисков и мероприятий, нацеленных на сохранение или восстановление идентичности старообрядцев в Польше, так как численность общины сокращается, а представителей старшего поколения, т.е. основных носителей культуры, с каждым годом становится меньше (Ср. Głuszkowski 2011: 262-271).

Библиография:

- Halbwachs, M. 1969 (1925). *Spoleczne ramy pamieci*. Warszawa: PWN.
- Halbwachs, M. 1939. 'Individual Consciousness and Collective Mind', *American Journal of Sociology*, Vol. 44, No. 6 (May, 1939), 812-822.
- de Saussure, F. 2004. *Szkice z językoznawstwa ogólnego*. Warszawa: DIALOG.
- Дом 2011.
http://rosyjskidom.sk6.ru/prezentacja/1_Prezentacja_Rosjanie%20od%20pokolen_RU_.pdf
- Durkheim, É. 2000 (1895). *Zasady metody socjologicznej*. Warszawa: PWN.
- Głuszkowski, M. 2011. *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności старообрядców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Grek-Pabisowa, I. 1999. 'Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym' В: Eadem, *Staroobrzędowcy*. *Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN, 69-79.
- Hillmann, K.-H. 2007. *Wörterbuch der Soziologie*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Iwaniec, E. 1977. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w.* Warszawa: PWN.
- Olechnicki, K. i P. Załęcki. 1998. *Słownik socjologiczny*. Toruń: Graffiti BC.
- Szmigiel, A. 2013. <http://www.philipponia.republika.pl/intro.htm>
- Перекрестов, Р. 2013. 'География расселения русских старообрядцев в Речи Посполитой на рубеже XVII-XVIII веков'. В: E. Nowicka, M. Głuszkowski (ред.), *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*, Toruń: Eikon Studio, 231-238.

Гжибовский, Ст. и М. Глушковский. 2008. 'Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур'. В: Л. Л. Касаткин (ред), Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва: Языки славянских культур, 200-214.

Summary

The past and attitude towards history of the community against the example of the chosen interviews with the Old Believers living in Poland.

The Old Believers who settled in Poland shortly after the schism in the Russian Orthodox Church in the 17th century preserved their religion, culture and language, through the ages. They were living in strict isolation practically till the first decades of the 20th century. The strongest socio-cultural changes of the community began after the 2nd World War. History and past have always constituted important elements of the Old Believers' group identity and its collective memory. Facing the processes of language and cultural shift in the beginning of the 21st century, the members of the community still are interested in their past what has been shown on the example of the chosen interviews. The most popular motifs of the Old Believers' narratives are: the genesis of Old Belief, relationships with Polish neighbours, the 2nd World War, period of the Peoples Republic of Poland, respect for older members of the community as well as nostalgia. The author is making an attempt to analyze the role of history in the collective memory of the Old Believers in Poland.

Streszczenie

Przeszłość i stosunek do historii wspólnoty na przykładzie wybranych wypowiedzi staroobrzędowców mieszkających w Polsce.

Staroobrzędowcy, którzy osiedlili się w Polsce wkrótce po rozłamie w rosyjskiej Cerkwi w XVII wieku, przez wieki zachowywali swoją religię, kulturę i język. Praktycznie do początków XX w. żyli w izolacji. Poważne społeczno-kulturowe zmiany stały się udziałem wspólnoty dopiero po II wojnie światowej. Historia i przeszłość zawsze stanowiły ważny element tożsamości grupowej starowierców i ich pamięci społecznej. Nawet w obliczu dokonującej się na naszych oczach zmiany językowej i kulturowej, staroobrzędowcy nie tracą zainteresowania swoją przeszłością, co zostało przedstawione na przykładzie fragmentów wybranych wywiadów. Najpopularniejszymi motywami powtarzającymi się w narracjach były: geneza ruchu staroobrzędowego, relacje z polskimi sąsiadami, okres II wojny światowej, czasy PRLu, szacunek dla starszych członków wspólnoty oraz nostalgia. Autor dokonuje próby analizy roli historii w pamięci społecznej staroobrzędowców w Polsce.